

ГОРОДСКОЙ СОВЕТСКИЙ БЫТ: КЛИШЕ ИДЕОЛОГИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В современной культурологии много внимания уделяется изучению проблем повседневности. Анализ явлений и событий на микроуровне, уровне повседневности углубляет понимание глобальных процессов в социокультурной сфере. Рассмотрение истории повседневности даёт возможность лучше узнать культуру того или иного периода, показывает, какое воплощение получили ценности и нормы разных культур в действительности.

Со времени окончания советской эпохи прошло пятнадцать лет и, вероятно, эта дистанция достаточна для объективного её анализа без крайних оценок и эмоций. В русле исследований советской культуры довольно часто затрагивается тема повседневного существования – быта. Советологи плодотворно изучают историю быта советского периода, подвергают разбору структуру повседневной жизни и её отдельных сторон, выявляют причины, придававшие ей неповторимый вид.

Понятие «советская культура» часто фигурирует в разных публикациях – от публицистических газетных статей до монографических работ. Следует отметить, что в большинстве случаев авторы используют данный термин, не уточняя его содержание, используя его как интуитивно ясный. На наш взгляд, можно выделить два основных значения этого понятия: 1) культура эпохи, в рамках которой она развивалась (1917-1991 гг.), в этом плане его употребляют наряду с такими понятиями, как «культура Киевской Руси», «культура Московской Руси», «культура эпохи Екатерины II» и др.; 2) содержательные характеристики культуры, появившейся в обозначенное время и сознательно дистанцирующей себя по отношению к прошлому. Хронологический аспект важен и необходим, но ограничиваться им нельзя, потому что при подобном использовании термина остаются в тени главные свойства феномена, рождённого советской эрой. На первый план

выходят специфические качества «советскости». Советская культура в этом смысле есть результат сознательного строительства, конкретное выражение пафоса возведения нового мира («мы наш, мы новый мир построим»). Эта цель привела к онтологической метаморфозе – культура изначально становилась «средством для...», теряя свою самодостаточность и ценность. Культура, намеренно формируемая по определённым идеологическим и мировоззренческим лекалам, изначально гордилась своей новизной и практически-утилитарным предназначением.

Указанные свойства являются основополагающими, но не единственными, ими не исчерпывается содержание культуры того периода. Культура советского времени была не монолитной, а сложной по составу, структурированной. Например, Л.Б. Брусиловская и А.Ю. Зудин выделяют внутри неё центр и периферию, официальную и неофициальную культуры [см. 2; 4]. Однако исследователи, пользуясь понятиями «советская официальная» и «неофициальная культура», не раскрывают их, не дают чёткой расшифровки. Полагаем возможным очертить границы этих терминов, ввести рабочие определения, подлежащие в дальнейшем уточнению. Под «официальной советской культурой» понимается та сфера культуры, которая напрямую обуславливалась идеологией власти, регулировалась ею и ей подчинялась, служила средством пропаганды, передачи основных постулатов идеологии и воспитания людей в духе этой идеологии. К «неофициальной культуре» можно отнести то, что оставалось за пределами официальной культуры, находилось на периферии – разнообразные субкультуры (субкультура стилинг, субкультура художественного андеграунда, субкультура бардов и т.д.), а также контркультуры (диссидентство). Неофициальная советская культура непосредственно не зависела от диктата норм и предписаний идеологии, продуцировала тексты, неподконтрольные власти, нередко оппозиционные по отношению к ней. Понятия «официальной» и «неофициальной» культур обобщают другие, более частные – «официальная» и «неофициальная» советская литература и проч.

Между образами мира и человека, транслировавшимися официальной культурой, являвшей воззрения власти, и картиной мира, вырабатываемой неофициальной культурой, отражавшей чаяния людей, не включенных в пространство культуры официальной, фиксируются расхождения. Так, официальная культура приукрашивала действительность, изображая её светлой и радостной, она рисовала человека возвышенным «строителем коммунизма», существующим ради великих идеалов, посвящающим себя служению государству, возведению общества будущего. Неофициальная культура развенчивала оптимистический образ действительности, акцентируя порой самые неприглядные стороны жизни в СССР и идеализированного образа советского человека, показывая, что реальные люди отнюдь не руководствовались заповедями «Морального кодекса строителя коммунизма». То же касается повседневности, о которой идет речь в данной статье. Официальная культура через свои тексты (литературные произведения, публицистические статьи и др.) представляла свой образ повседневности и своё отношение к ней, а тексты неофициальной культуры (например, анекдоты, частушки) позволяют выделить иное видение быта.

Можно согласиться с определением повседневности, толкующим ее как «целостный социокультурный жизненный мир, предстающий в функционировании общества «естественным», самоочевидным условием человеческой жизнедеятельности», «специфическую область социальной реальности» [9, С. 318]. Формирование современного представления о повседневности связывают с началом модернизации, повлекшей за собой множество следствий, в том числе отделение сфер человеческого существования друг от друга, выделение пространств личной и общественной жизни [см. 1]. Модернизация затронула глубинные основы жизни, что не могло не вызвать негативных реакций на неё. К тому же, она зачастую проводилась непоследовательно и грубо, её результаты, в том числе, появление нового ощущения повседневности, нередко вызывали неприятие и сопротивление, вплоть до конца 20 века.

Как отмечает С. Бойм, в дореволюционной русской культуре существовало разное отношение к быту и бытию [1, С. 14]. Последнему придавались высокие качества – истинность, подлинность, возвышенность, оно выступало в качестве «настоящей» жизни, какой и следует жить настоящему человеку. Быт же – нечто низменное, мелкое, вторичное, то, с чем приходится мириться, потому, как нет способа избавиться. В итоге, всё, связанное с повседневным укладом, то есть с обычной человеческой жизнью, относилось к ничтожному, рутине и косности, несовместимыми с достижением духовных высот.

Такой подход к быту и повседневности, характерный для русской интеллигенции, базируется на противопоставлении идеала и реальности, свойственном идеологии романтизма, оппозиции общественного (правильного, активного, позитивного) частному (пассивному, бездеятельному, негативному) [см. 3]. Сложились две основных стратегии интеллигентского «сопротивления» повседневности – общественная деятельность (линия демократической интеллигенции) и художественное творчество (линия символистов).

Видение повседневности в русской культуре не было однозначно негативным. Существовал, другой, более «мягкий» подход к быту, иной взгляд на него. Например, в произведениях некоторых русских классиков – Пушкина, Тургенева, Толстого – далеко не всегда можно обнаружить резкий контраст между бытом и идеалом. Проблема восприятия быта обострилась в эпоху Серебряного века, что было связано с присущей его культуре ориентированностью на идеал, концентрированностью внимания преимущественно на духовных, религиозно-философских аспектах бытия. Вместе с тем отдельные мыслители констатировали недостатки игнорирования бытовой проблематики. Так, М. Гершензон в известном сборнике «Вехи» писал: «Никто не жил, – все делали (или делали вид, что делают) общественное дело. Не жили даже эгоистически, не радовались жизни, не наслаждались свободно её утехами, но урывками хватили куски и глотали, почти не разжевывая, стыдась и вместе вождедая, как проказливая собака. Это был какой-то странный ас-

кетизм, не отречение от личной чувственной жизни, но отречение от руководства ею. <...> А в целом интеллигентский быт ужасен, подлинная мерзость запустения, ни малейшей дисциплины, ни малейшей последовательности даже во внешнем... праздность, неряшливость, гомерическая неаккуратность в личной жизни, грязь и хаос в брачных и вообще половых отношениях, наивная недобросовестность в работе, в общественных делах, необузданная склонность к деспотизму и совершенное отсутствие уважения к чужой личности» [цит. по 1, С. 50]. Тем не менее установка на критику легкомысленного отказа от сознательного управления бытом не получила должного развития. Возобладали отрицательное отношение к повседневности и стремление вести с ней борьбу, развернувшиеся во всей полноте после Октябрьской революции 1917 года.

Потрясения революции и Гражданской войны опрокинули бытовавший до этого уклад: старый быт уничтожался, прежний повседневный порядок превращался в пережиток прошлого. Уплотнения, выселения, голод и всеобщий разор, характерные для этого периода, воспринимались как ужасные бедствия. Некоторые деятели культуры, когда-то осуждавшие повседневность, пришли к осознанию крайности своей позиции. Так, А. Блок, размышляя о причинах наставшей разрухи, делает вывод о том, что вина за неё лежит и на тех, кто некогда призывал к войне против быта [см. 5]. Но катастрофические перемены в повседневности не у всех интеллигентов порождали переоценку своих взглядов. Напротив, большинство восприняло революцию в качестве уникального шанса перестроить быт, сделать его «правильным». Разве при каких-либо других условиях, в мирное время возможно одним махом уничтожить весь старый повседневный уклад? Конечно, нет. Теперь же, когда прежний ненавистный быт сметён, проще построить новый. Поэтому часть интеллигентов лояльно отреагировала на процессы, произошедшие в сфере повседневности.

После разрушения быта дореволюционного постепенно начал формироваться новый, советский. Становление новой повседневности шло в двух направлениях – целенаправленная деятель-

ность государства по построению качественно иного быта и стихийная попытка людей вернуться к старому быту. Каким должен быть советский быт с точки зрения власти? Государство хотело сформировать нового человека, и быт был одним из средств воспитания. По мнению идеологов социализма, индивиду следует жить и воспитываться в коллективе. Совместное проживание якобы способствует объединению людей, более активному участию в общественной жизни и, тем самым, подготавливает их к грядущему коммунизму. Согласно такой политике люди должны проживать «общинами» и вести общее хозяйство. Коллективными нужно делать питание, отдых, сон, воспитание детей. Существовали проекты домов, где осуществляются эти пожелания. В 1920-е гг. нарком просвещения А.В. Луначарский писал: «Революция имеет целью сделать всех людей братьями... она хочет построить большие дома, в которых кухня, столовая, прачечная, детская, клуб были бы устроены по последнему слову науки и обслуживали бы всех жильцов дома-коммуны, живущих в уютных, чистых, снабженных водой и электричеством комнатах» [цит. по 8, С. 235]. Вообще, у героя нового времени быт как значимая часть жизни отсутствует, он свободен от быта. Э. Лисицкий в 1926 году утверждал, что для современного человека достаточно держать в пустой комнате складные стол и стул, матрас и граммофон [см. 1, С. 58].

Идеи государства относительно домов-коммун не претворились в жизнь – во-первых, наверно, оттого, что советская власть не могла себе позволить осуществить дорогостоящие проекты домов-коммун, взять на себя полностью бытовое обслуживание, а во-вторых, подавляющее большинство людей не желали «безбытного» быта, имела место тенденция возвращения к дореволюционной повседневности, ярко проявившаяся в период НЭПа.

Попытки восстановить хотя бы отчасти прежний быт строго порицались, будучи обозначенными как «мещанство». «Мещанством» почиталось стремление человека пребывать в пространстве собственной частной жизни, конструировать его согласно своим пожеланиям, жить личными интересами. «Мещанскими» и «по-

шлыми» стигматизировались невинные элементы повседневной жизни – статуэтки, открытки на стенах, сувениры и безделушки, абажуры, буфеты, канапе, комоды – предметы довольно обыкновенного, даже заурядного домашнего интерьера вдруг обратились во «врагов». «Мещанством» объявлялись также танцы, флирт, изящные манеры, красивая одежда, украшения. Всё это считалось пошлостью: «Пошлость и мещанство - главный враг. Носят банты, галстуки, ажурные чулки, воняют духами...»; «А ажурные чулки? Для чего они? Чтобы какой-нибудь гнилокровный буржуазный выродок любовался «изящной дамской ножкой» на танцульках?» [7, С. 429]. Ухаживание казалось абсурдным и смешным ритуалом, который необходимо упразднить. То же касалось обычной вежливости: «Я сам видел, как один комсомолец подавал комсомолке пальто. Зачем? Чтобы подчеркнуть ее неравноправие? Ведь она ему пальто не подала» [7, С. 430].

Началась борьба с «мещанством» новой советской жизни, старт которой дала официальная советская культура. Борьбой с «мещанским» образом жизни были заняты крупнейшие идеологи СССР. Например, Н.К. Крупская в газете «Правда» обвинила К. Чуковского в проповеди пошлости и мещанства: «Вторая часть «Крокодила» изображает мещанскую домашнюю обстановку крокодильего семейства, причём смех по поводу того, что крокодил от страха проглотил салфетку и пр., заслоняет собой изображаемую пошлость, приучает эту пошлость не замечать». Её поддержала К. Свердлова: «...Мы должны взять под обстрел Чуковского и его группу потому, что они проводят идеологию мещанства» [цит. по 5].

В 1930-е годы кампания по борьбе с мещанством сошла на «нет» из-за изменения ситуации внутри страны. К власти пришли люди, сменившие «старых большевиков», «ленинскую гвардию» – службисты-бюрократы, обязанные своим положением не революционным заслугам, а степенью преданности новому руководству коммунистической партии и советского правительства, готовностью выполнить любую его волю. Стал складываться класс партий

ной номенклатуры, у него появился свой быт, несколько схожий с бытом господствующих классов старой России. Естественно, борьба с мещанством теперь была не в интересах номенклатуры. Наоборот, власть стремилась к налаживанию быта: строилось добротное жилье (знаменитые «сталинские» дома с высокими потолками и просторными комнатами), организовывались многочисленные санатории, курорты, дома отдыха. Отныне декларировалось, что советский человек должен иметь хорошие условия для жизни. На деле же их создавали только для представителей власти, приближенных к ним лиц и тех, кого власть считала полезными («правоверная» интеллигенция, учёные, специалисты в разных сферах народного хозяйства и др.).

Война с мещанством, поутихшая в 1930-е годы, вновь возобновилась в 1960-е - времени, когда пытались вернуться к «незамутнённым истокам», к ленинизму, досталинским порядкам. Всё, ассоциировавшееся со сталинской эпохой, - предметы быта, обстановка квартир, стиль жизни представителей власти, - отторгалось «шестидесятниками». Они предлагали возвратиться к простоте ранних послереволюционных лет, старались возродить идеи 1920-х и, вероятно, неслучайно культуры этих исторических периодов схожи. Даже очередная волна кампании против повседневности проходила под старыми лозунгами – снова шельмовали неуничтожимых фарфоровых слоников, абажуры, занавески, удобные кушетки, кресла. Причём 1960-е проявляли удивительное единодушие с 1920-ми в том, что казалось совершенным образцом быта – полупустая комната с небольшим количеством мебели. Идеальной мебели 1920-х гг. следовало быть складной и переносной – поневоле напрашивается параллель со складной мебелью, появившейся в 1960-х.

В 1970-1980-е годы масштабных кампаний по борьбе с мещанством не было. Да и кто бы их санкционировал? Партийцы, давно обзаведшиеся дачами и отдельными квартирами с роскошной по советским меркам обстановкой? Или интеллигенция, ушедшая в частную жизнь и начавшая, наконец, созидать свой домашний уют?

Может быть, обычные советские люди, жившие повседневными заботами? Пора гневных обличений повседневности прошла, по крайней мере, для советской культуры. К 1980-м годам повседневность и связанное с ней, приобретение вещей, накопительство и обустройство быта были «реабилитированы» в глазах общественно-го мнения. При этом надо отметить, что к быту оставалось весьма сложное отношение: с одной стороны, сохранилось понятие «мещанства», «мещанской» жизни, с другой стороны, быт воспринимался альтернативой государственному, казённому, убежищем от давления извне. Кроме того, быт связывался с деревенским, народным, национальным; критика потребительской культуры буржуазного общества сосуществовала с призывом повышать благосостояние советских людей и удовлетворять их бытовые потребности [3].

Откуда же взялось стремление третировать повседневность? О традиции небрежения к быту, идущей от дореволюционной русской культуры, было уже сказано. Однако требование борьбы с частной жизнью исходило также и от самой советской культуры. Официальная культура невысоко ценила повседневность. Если рассматривать ее структуру, то быт, повседневность причислялись к культурной периферии [см. 4]. Относящееся к быту виделось второсортным, повседневность рассматривалась официальной культурой в лучшем случае как дополнение к общественной жизни, как «тихая гавань», где советский человек должен набираться сил для великих свершений («Первым делом – самолёты, ну а девушки потом»). Советских людей старались воспитывать в духе аскетизма, презрения к «мещанству» и жизни «для себя». Частное бытование человека оттеснялось государством на окраину жизни. Естественный итог – ущемление приватной сферы существования, начиная с нехваток продуктов и товаров «народного потребления», то есть модной одежды, мебели и прочих вещей, делающих быт проще и красивей, кончая неуважением к пространству и времени повседневности. В советском обществе отсутствовали понятия неприкосновенности частного жилища и частной собственности, ему были присущи государственное владение жилищным фондом и зем-

лэй, традиции авралов, производственных «штурмов» в нерабочее время и принудительных субботников. Напомним, что два выходных дня появились у трудящихся только в середине 1960-х годов.

Причина подобного отношения к быту и повседневности кроется во взгляде на самого человека. Кто такой индивид для советского государства, чьи идеи воплощала в реальность советская официальная культура? Люди – лишь орудия, средства, при помощи которого государство выполняет свои задачи. Согласно советской идеологии, цель жизни человека – быть максимально полезным государству и обществу, а не отдавать себя обустройству личной жизни. Поэтому культура «желала» унификации человеческой личности, выведения такого типа человека, который был бы абсолютно покорен власти. Этому служили государственное образование, пропаганда через художественную культуру, каждодневная общественная жизнь, чётко определённая и регламентированная. Но этому препятствовала повседневность, где можно было позволить себе быть индивидуальным. Официальная советская культура боролась с повседневностью как областью относительно свободной от давления государства. Повседневность и частная жизнь служили убежищем от власти и её идеологии, позволяли жить собственными заботами, опекать дом, семью, выстраивать быт. В ней человек мог располагать собой, заниматься тем, чем ему хочется, общаться с интересными и близкими по духу людьми. Неслучайно, в частной жизни на кухнях велись беседы, во время которых обсуждались аспекты советского существования, замалчиваемые государственными СМИ. Повседневность была спасением не только для миллионов советских людей, но и для небольшого числа представителей неофициальной культуры, коим частная жизнь давала единственную возможность творить и показывать результаты творчества. В пространстве повседневности проходили выставки подпольного искусства, печатался и распространялся через неформальных знакомых и друзей «самиздат» – литература и магнитофонные записи (весь В. Высоцкий, А. Галич, большинство песен Б. Окуджавы, монологов М. Жванецкого и т.п.).

Несмотря на все усилия официальной советской культуры, для советских людей повседневность являлась более важной, чем общественная жизнь и служба государству. Много сил тратилось на поддержание быта на приемлемом уровне, так как из-за отсутствия необходимого проблемой становились самые, казалось бы, простые дела – покупка продовольствия, одежды, мебели, ремонт квартиры и т.п. В итоге, советская власть добилась обратного – вместо гордого отказа от «свинцовых мерзостей» быта налицо была чрезмерная погруженность в повседневность. На то, чтобы удовлетворить сравнительно невеликие повседневные нужды, уходило неоправданно большое количество энергии. По словам А. Синявского, «элементарный «быт» становится ценностью и всячески обыгрывается, подчёркивается, превозносится именно в силу его уничтожения или общебытовой недостаточности. <...> Элементарный продукт потребления становится достижением и знаком особого достоинства, за который надо бороться. Иными словами, быт выдвигается на первое место в условиях, где с этим бытом туго и плохо» [8, С. 222].

Неофициальная советская культура демонстрировала положительное отношение к быту и повседневности. Рядовые советские люди вовсе не собирались жить аскетично, как им предписывали идеологи и деятели культуры. По крайней мере, мало было людей, отказывавшихся от материальных благ в пользу идеала бедности. Чаще всего, если кто-то и вынужден был существовать небогато, то делал это, оказавшись в сложном положении, а, не руководствуясь указаниями власти. Вспомним идеал быта, предлагаемый Э. Лисицким, – в пустой комнате матрас на полу, складные стол и стул, граммофон. Примерно так и жила описанная И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев» пара молодоженов – Лиза и Коля, даже ещё хуже – у них не было не то что граммофона, но и стульев со столом: «Большая комната мезонина была разрезана фанерными перегородками на длинные ломти, в два аршина ширины каждый. Комнаты были похожи на пеналы, с тем только отличием, что, кроме карандашей и ручек, здесь были люди и примусы.

<...> Остап толкнул ногою дверь. В комнате из мебели был только матрац в красную полоску, лежавший на четырех кирпичах» [6, С. 162–163]. Герои романа совсем не были от этой жизни в восторге – Лизе не нравилось питаться вегетарианской, невкусно приготовленной пищей, жить в комнате с фанерными перегородками, с одним матрасом в качестве предмета обстановки, из-за чего она ссорилась со своим супругом.

Сложно говорить и о негативном восприятии вещей советскими людьми. Пожалуй, исключение составляло лишь общественное имущество, порой беспощадно портившееся, – с уличных телефонных автоматов срезали трубки, вскрывали приёмники для монет, а у скамеек ломали сидения. К личным же вещам люди испытывали достаточно нежные чувства – предметы береглись, ремонтировались, выбрасывали их неохотно. Скажем, полиэтиленовые пакеты масса советских люди мыла, просушивала и вновь пускала в ход. Вещи были дефицитом, за ними гонялись, доставали их с трудом, с каждой связывались особые воспоминания.

Кроме того, недостаток в быту люди стремились компенсировать за счёт государства, они нередко использовали государственное имущество в своих целях, иногда совершали мелкие кражи. Происходило это повсеместно, утвердилось крепко, сделалось привычным настолько, что не считалось воровством – кампания по борьбе с этими мелкими экономическими преступлениями, состоявшаяся при Ю. Андропове, называлась борьбой не с ворами, а с «несунами». По стране гуляло весёлое присловье: «Тащи с работы всякий гвоздь, ты здесь хозяин, а не гость!». Оно довольно отчётливо выражает отношение людей к государству и его собственности. У государства гражданами «заимствовалось» не только материальное имущество, но и время, отводившееся на выполнение служебных обязанностей, – советские люди в течение рабочего дня параллельно улаживали личные дела. В фильме «Прохиндиада или Бег на месте» воссоздана типичная ситуация – главный герой оставляет «дежурный» пиджак на спинке рабочего кресла для вида и отлучается «пошабашить». Вообще, к работе у людей к концу советской

эпохи сложилось специфическое отношение, суть которого выражает поговорка «где бы ни работать, лишь бы не работать». Выходило, что люди отвечали государству, пренебрегавшему их временем и имуществом, не уважавшему своих граждан, взаимной непочтительностью.

Показателем отношения к быту со стороны советской неофициальной культуры способны послужить анекдоты того времени. Описанные процессы – борьба с частной жизнью и повседневностью на уровне официальной культуры и погруженность в частную жизнь советских людей – отразились на этом продукте советской культуры. Двойственность проходивших процессов нашла достаточно полное проявление в анекдотах, парадоксально совмещавших в себе противоречивое отношение к повседневности. Крупные и особо значимые явления советской повседневной жизни нашли в них отклик: есть анекдоты про дефицит, коммунальные квартиры, «хрущобы» и их качество, об отношении к работе советских людей, о бытовом пьянстве, воровстве (с работы), доносителстве и блате, о советских газетах, радио и телевидении и многом другом. При этом количество анекдотов о быте было меньше числа анекдотов политических по тематике. Однако если рассматривать только темы анекдотов, не вдаваясь в подробности их содержания, то, даже на поверхностный взгляд, окажется, что политические анекдоты гораздо более погружены в быт.

В качестве примера рассмотрим политический анекдот, рассказывающий о распространении самиздатовской литературы, о потенциальной возможности прослушивания частных телефонных разговоров и указывающий в комической форме на конспирацию, которой могли придерживаться читатели самиздата при телефонной беседе: *«Московский телефонный разговор: Вы пирог уже доели? – Доедаем. – Когда доедите, отдайте Володе»*. Или другой политический анекдот об эмиграции евреев из СССР, мимоходом упоминающий о дефиците: *«Рабинович, почему вы хотите в Израиль? – Надоели праздники! – Какие праздники? – Колбасу купиш – праздник, туалетную бумагу достал – праздник...»*.

Основной прием политических анекдотов состоит в погружении какого-либо политического, идеологического, экономического явления в контекст повседневности, отчего становится очевидной абсурдность этого явления, оторванность его от жизни, нелепость и просто глупость. Быт в советских анекдотах – отправная точка рассуждений. Опираясь на быт, судят обо всех других явлениях. Бытовая точка зрения – «здоровая», «нормальная» противопоставлена абсурду политики и идеологии власти. С точки зрения здравого смысла устройство советской экономики, пародийно воспроизведенное анекдотом, также абсурдно: *«Группа туристов осматривает завод глиняных свистулек в Болгарии. – Зачем вам миллион свистулек в год? – спросили туристы. – За каждую свистульку нам Монголия даёт по барану. – А что вы делаете с миллионом баранов? – За каждого барана нам ГДР даёт по электромотору. – А что вы делаете с электромоторами? – За каждый мотор нам Чехословакия даёт по трактору. – А не много ли для вас миллион тракторов в год? – За эти трактора нам СССР даёт глину для свистулек».*

Другой пример: советская власть твердит о своём могуществе, пропагандирует достижения, связанные с покорением космоса, обещает развить свои успехи в этой области. Но космические полёты совсем не соотносятся с жизнью миллионов простых людей, они ничего в ней не меняют, не улучшают. Очередное достижение опять не касается людей, оно не для них, а для престижа государства, науки и других туманных целей. При всей своей мощи советское государство не способно совершить самое главное – помочь людям существовать достойно. Анекдот обращает на это внимание: *«После лекции на тему «Когда можно будет проводить отпуск на Луне?» был задан вопрос: «А когда можно будет проводить отпуск в Швейцарии?»».*

Анекдот разоблачает власть, утверждавшую, будто всё в Советском Союзе делается для блага народа. Он иронизирует по поводу различий в положении рядовых граждан и тех, кто должен о них заботиться, показывает их на примере повседневной ситуации:

«Что это за люди едут с нами? – спрашивает иностранец в переполненном автобусе. – Это хозяева страны! – А это кто проехал? – он показывает на обогнавшую их «Чайку». – А это слуги народа!».

В анекдоте различия между капиталистической и социалистической системами сводятся к бытовой проблеме – наличию или отсутствию продуктов: *«Два мальчика переговариваются через берлинскую стену. – А у меня апельсин! – хвастает западный берлинец. – А у нас социализм! – Подумаешь! Мы, если захотим, тоже сделаем социализм! – А тогда у тебя апельсина не будет!».* Анекдот наглядно демонстрирует различия между социализмом и капитализмом и преимущества последнего: есть социализм – нет апельсина.

Логика противопоставления обыденного, реалистичного видения действительности и искажённое представление о ней в официальной идеологии присутствует во многих советских анекдотах. Исходя из бытовых прагматических взглядов, в них судят окружающую действительность и выносят вердикт не в её пользу.

Итак, восприятие повседневности в культуре советского периода было амбивалентным. Официальная советская культура не придавала большого значения быту, не почитала его ценностью, исключала проблемы, связанные с повседневностью, из перечня особо важных. Согласно логике официальной культуры, повседневность человека должна сводиться к минимуму. Подобное отношение к быту транслировалось через систему образования, искусство, средства массовой информации. Реальность же существенно отличалась от лозунгов пропаганды и идеологических клише. Советские люди ставили повседневную жизнь весьма высоко, быт и повседневность, презируемые официальной культурой, преследуемые государством, неофициальной культурой подаются как норма, основа, исходный пункт суждений по разнообразным вопросам, что демонстрируется текстами, произведёнными неофициальной культурой. Это показывает, насколько велика разница между двумя час-

тями общей культуры советского периода, нормы и ценности которых подчас не совпадали.

Список литературы

1. Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. - М., 2002.
2. Брусиловская Л.Б. Культура повседневности в эпоху "оттепели" (метаморфозы стиля) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://metal.antax.ru/library/other/kyltyra_povsednevnosti.htm, 2004.
3. Дубин Б.В. Быт, бытовщина, обыденность: идея и история повседневности в России [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_020.html, 2002.
4. Зудин А.Ю. «Культура имеет значение»: к предыстории российского транзита [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.socio.ru/wr/3-02/Zudin.htm>, 2002.
5. Иванова Н. Ностальгическое [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/dom/ivanova/ivano006.html>, 2002.
6. Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: В 5 т. - М., 1961. - Т. 1.
7. Рыбаков А.Н. Выстрел. - М., 1977.
8. Синявский А.Д. Основы советской цивилизации. - М., 2001.
9. Современная западная философия: Словарь. - М., 1998.